

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Любить, бояться, убивать / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-112899-9

Танцовщица Ольга Польская ещё полгода назад едва не погибла в ледяных водах реки Великой. А теперь она актриса в квесте, основанном на реальных событиях из её собственной жизни. Ольга — бывшая клиентка детективного агентства Павла Синичкина и его помощницы Риммы. Сыщики решают посетить шоу как зрители, но уже вскоре им приходится опрашивать актёров в связи с убийством, что случилось прямо во время квеста. Все улики указывают на Ольгу, но детективы полагают, убить клиента мог любой. В том числе и страдающий аутизмом Ярослав Дорофеев, давно и безнадежно влюблённый в танцовщицу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112899-9

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Роза Хафизова

Розу с детства дразнили цыганкой.

Впрочем, точной своей национальности девушка не знала. Мама про отца говорила туманно: «Он с Востока». Сама девочка папу никогда не видела. Но заочно его ненавидела. За то, что бросил. А больше всего — за внешность, что досталась ей от отца. За собственные жгуче-карие глаза, смуглое лицо и волосы, черные, словно перья вороны.

Роза всеми силами пыталась отречься от корней. Кожу отбеливала, брови высветляла, гриву все время порывалась отрезать и перекрасить.

Мать пеняла:

— Дурында. Крашенных блондинок — полный город. А у тебя все натуральное! Счастье свое не ценишь. Восточные женщины у мужчин в цене.

И правду сказать: мальчишки за Розой бегали. Всем классом. Одноклассниц презрительно именовали «плоскодонками», а к ее груди почти четвертого размера каждый норовил приложиться.

Розу бесило, когда лапают. Отгоняла назойливых кобелят, как могла. Но тех ее отпор еще больше раззадоривал, и Роза реально боялась: поймают, скрутят, возьмут силой.

Но в девятом классе случилось чудо.

Появился у них новенький. Высокий, сильный, стройный, ни единого прыща. На школьную форму плевал — ходил в олимпийке известного бренда. Уроками не утруждался. Что не так — сразу в глаз. Но к директору (как других) не таскали — парень оказался на особом положении, ибо профессионально играл в футбол и подавал большие надежды.

И из всех школьных красавиц выбрал Руслан — именно ее, Розу.

Одноклассницы завидовали, злились. Соблазняли новенького мини-юбками и прозрачными кофточками. «Звезде» нравилось: стоять в толпе девиц, слушать комплименты и лесть. На сборы частенько уезжал — оттуда не писал, не звонил. Розу уверял, что там они пашут, как звери, и компания исключительно мужская, но девушка все равно нервничала. Понимала: шаткая у нее любовь. Но как привязать любимого к себе — неразрывно?

И ревность вызывала (благо у самой поклонников достаточно), и приворот делала. Но сработал в итоге восточный, «родовой» метод. Прочие девчонки из себя гордых и независимых строили, а Роза всячески демонстрировала беспрекословную верность и повиновение.

Руслик шутил: «Приятно чувствовать себя падишахом». Иногда злоупотреблял — приказывал на весь класс:

— Женщина! Беги в буфет, булочку мне принеси.

И она бежала.

Мальчишкам не улыбалась. Юбки носила длинные. На физкультуре поверх майки олимпийку безразмерную надевала — Руслану не нравилось, когда прочие парни во главе с физруком на ее грудь пялятся.

И дома, когда Руслик в гости к ним приходил, прислуживала, словно собачка. Тапочки подать, куртку принять, плечи помассировать.

Розина мама пугала:

— Не растворяйся ты в нем! Больше любить не станет — только избалуешь.

Дочь огрызалась:

— Зато ты папу не баловала — он и сбежал.

— И твой сбежит, — каркала мать. — Он уже присматривает куда.

— Руслан никогда от меня не уйдет! — взрывалась Роза.

Но когда читала в Интернете биографии каких-нибудь Месси или Роналду, понимала: если добьется ее любимый подобных высот — однозначно сбежит. У богатых спортсменов стиль жизни такой: чтоб рядом обязательно крутая фотомодель и менять их, словно перчатки.

Одна надежда: футбольной звездой становится один мальчишка из миллиона. И совсем не факт, что именно Руслику улыбнется удача.

Константин Кулаев

Мобильники на территории колонии-поселения были запрещены, но администрация прекрасно понимала: времена сейчас такие, что без связи хуже, чем без свободы. Константину Кулаеву — едва он прибыл к месту отбытия наказания — немедленно предложили купить аппарат. И показали тайник, куда его прятать на время обязательных, но не слишком тщательных обысков.

Товарищи по несчастью звонили женам, хлюпали носом на видеоконференциях с детьми и дурили головы романтическим дамочкам с сайтов знакомств.

А Константин супруге даже номера своего не сообщил. Не о чем говорить. И с дочкой общаться — тоже не возникало желания. Если вдруг ворохнется в сердце тоска-грусть — сразу вызывал в памяти картинку: как приходили на суд, сидели с брезгливыми лицами. Несомненно, стыдились — отца и мужа-преступника.

Странно у него получилось: общественное мнение целиком на его стороне, судья и даже прокурор откровенно сочувствовали. А самые близкие люди легко и с удовольствием вычеркнули из жизни.

Впрочем, когда семья еще формально существовала, они все равно делились на два почти враждебных клана. В одном — жена с дочкой, их глупенькая болтовня, общая косметика и совместные походы по магазинам. А Константин-старший целиком принадлежал сыну. Костику.

Мальчик страдал аутизмом, но болезнь не мешала ему рисовать удивительные, глубокие, потрясающие воображение картины.

Кулаев-отец прилагал все силы, чтобы максимально развить у ребенка талант и главное — включить его в нормальную жизнь. Венцом стала победа на Всероссийской художественной олимпиаде — на ней Костя соревновался с тысячами абсолютно нормальных детей.

А на следующий день сына убили¹.

Группа детей и их учитель-американец рисовали во дворе Центра реабилитации инвалидов *яблоню в предчувствии весны*. А ненавидящий «неполноценных» подросток Леня Симачев открыл по ним огонь.

Горе отца было безмерно, но виноватых он не искал. Да и судить некого — последнюю пулю убийца оставил себе.

Кулаев-старший просто пил, безнадежно пытался заглушить пустоту и тоску. И в мареве алкогольного бреда явился к нему искушитель. Он

¹Подробнее о судьбе Константина читайте в романе А. и С. Литвиновых «Брат ответит».

уверял: к убийству невинных детей учитель-американец еще как причастен. Больше того: именно он убийство и подстроил.

Константин, хотя и пьяный в стельку, не верил. Дик, нескладный, немного отрешенный, как все художники, совсем не походил на злодея. Но невесть откуда взявшийся демон приводил все новые и новые доказательства. Сообщил номер больницы, этаж и палату, где находился учитель, раненный во время расстрела. И Кулаев решился — просто пойти и поговорить.

Но объяснить не успели. Американец неприкрыто запаниковал, начал звать на помощь, попытался затеять драку. Кулаев опешил, с силой оттолкнул больного... и не учел, что спинка у кровати — железная.

Так он стал убийцей.

Сначала все шло к тому, что судить его станут по статье сто пятой, часть два, «В» — убийство лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии. Сам Кулаев совершенно искренне говорил: ему все равно, пусть хоть пожизненное дадут.

Но супруга (пусть подала немедленно на развод) в качестве прощального подарка наняла хорошего адвоката. Тот поднял вокруг резонансного дела шум. О Кулаеве писали, в его поддержку составляли петиции и проводили митинги.

В итоге сто пятая с потенциальным пожизненным обратилась в сто девятую, то бишь убийство

по неосторожности — всего три года в колонии-поселении.

Своя одежда. Возможность гулять. Никаких решеток или овчарок. Но черноту на сердце легкие условия содержания никак не смягчали.

Кулаев продолжал всю жизнь, что его окружала, мерить *по Костику*. Печальный, кривой тополь во дворе — как бы сын его нарисовал? И как бы мальчик себя чувствовал, окажись — вдруг! — здесь рядом с ним?

Отец предположил: Костику бы в колонии даже понравилось. В душу никто особо не лезет. Монотонная, очень женская работа — шить перчатки — тоже пришлась бы сыну по душе. И бесконечную перловку — предмет постоянных причитаний прочих сидельцев — его ребенок любил.

По-хорошему, Кулаеву-старшему был нужен хороший психолог. А еще лучше — психиатр. Но подобных диковинок в штате колонии не имелось, и Константин с наслаждением продолжал растравлять свою рану. Каждый день после работы он уходил в укромный уголок. Подключал интернет, открывал поисковик. Вводил всегда одну и ту же фразу: «Расстрел в Центре реабилитации в Москве». Читал давно устаревшие новости.

Жадно разглядывал фотографии.

Он снова и снова возвращался в прошлое. Бесконечно представлял, как можно было бы *изменить* роковой день. И переживал, насколько быстро все забыли его сына — талантливого художника. При

жизни мальчика всемирная паутина дружно трубила про «надежду русского искусства». А сейчас — ни единого упоминания.

* * *

С мужчинами танцовщице Ольге Польской не везло¹. Пока училась в хореографическом, а потом танцевала в Главном театре — поклонников имелось немало. Балерин мужчины любят. Но дальше конфет с букетами и пары совместных ночей не заходило.

Оля всегда была, словно струна натянутая. Вечный страх (потерять форму, вылететь из кордебалета в миманс, а то и вовсе прочь из Главного театра) не давал расслабиться ни на секунду. Мужчины, видно, чувствовали ее постоянное напряжение. А еще она, как многие неудачливые в личной жизни девушки, даже в мимолетном поклоннике сразу начинала искать идеал — опору, защитника, глыбу. Но молодые люди — пусть и влюблялись в красавицу-балерину — брать ее под опеку не спешили.

Ситуация изменилась, когда девушка покинула Главный театр и начала работать в Центре реабилитации инвалидов. Отравляющая жизнь боязнь (что хуже других, сначала поставят в последний ряд,

¹ Полную версию жизни, любви и приключений Ольги Польской читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Брат ответит».

а дальше и вовсе уволят) ее покинула. На новом месте Ольгу уважали и ценили. Она расслабилась, стерла с лица испуганное выражение — и почти сразу встретила принца. Случайно, в супермаркете.

Красавец Георгий Клишко был родом из древнего города Пскова. На первый взгляд — богатырь, защитник. Мужчина при деле — свой ресторан имеется. Плюс известный охотник — сходить с ним на лося или кабана со всей страны приезжали. Говорил вкусно, сразу стал звать замуж и клясться, что будет холить-лелеять.

Оля настолько обрадовалась неожиданному счастью, что ей даже в голову не пришло как-то Гришу проверять, узнавать детали его биографии. Зачем, если любовь? Да и на работе форс-мажор случился.

Она придумала и осуществила дерзкий проект — поставила с артистами-инвалидами авангардный, яркий балет. Спектакль прогремел, о премьеры писали и говорили.

Но не всем в России нравится, когда у *иных* — действительно равные шансы. На Польскую ополчились поборники «чистоты расы».

Подбросили под дверь дохлую крысу, угрожали по телефону. А когда она повела своих артистов в Главный театр страны — и там достали. Грозил убить — прямо в гламурном фойе, фактически напротив Кремля!

Девушка перепугалась до смерти и немедленно позвонила Георгию. Тот, верный рыцарь, при-

мчался по первому зову. Оля к моменту его приезда уже собрала чемоданы.

И пусть Псков обернулся деревней Прасковичи в десяти километрах от города, ресторан, которым Гоша владел, — плохонькой столовкой, а сам принц оказался судимым, ей все равно было с ним хорошо. Даже когда Клишко ее бил, Оля не обижалась и не страдала. Понимала: он — хозяин, имеет право. Сама виновата, что не всегда может удержаться: то посетителю улыбнется, то с соседом слишком долго болтает.

Но даже в относительном счастье долго пожить не удалось: случилась новая катастрофа. Ранним утром на берегу реки Великой Ольгу пытались убить. На всю жизнь теперь с ней нечеловеческий страх, когда голова в ледяной воде, и пытаешься вырваться, но сильные руки безжалостны, воздуха меньше, меньше, нет совсем...

Врач на *происшествие* по крутому и грязному склону реки Великой решил не спускаться, отправил фельдшера и водителя с носилками. Те сочли ее мертвой. На счастье, в машине доктор потрундился «покойную» осмотреть. Только тогда спохватились, взяли наконец за реанимацию. Но из комы вывели лишь спустя двое суток, потом неделю держали в реанимации.

И пусть руки-ноги остались целыми, последствия клинической смерти казались непреодолимыми. Легочная и сердечная недостаточность, снижение мышечной координации, спазмы, эпи-

лептические припадки — ведь мозг почти пятнадцать минут оставался без кислорода.

Но самое тяжелое — как повел себя Гоша.

Пока Ольга лежала в коме, видно, страшно боялся, что умрет и в смерти обвинят его. Тем более местным полицейским версия чрезвычайно нравилась. Плюс врачи подживившие синяки на теле девушки обнаружили, и соседи подтвердили: да, Климко сожительницу бил.

Но Оля еще толком в себя не пришла — бросилась любимого спасать. Настояла, чтобы в больницу пришел следователь, и заплетающимся после наркотов-лекарств языком дала показания: Георгий ни при чем.

Тот сначала возрадовался — благодарил, утешал, от постели не отходил, держал за руку. Но с каждым днем улыбался все меньше, ее измученного тела касался реже и почти безразлично. Явно пообщался с врачами, оценил перспективы. И очень скоро ухнул:

— Извини, Оля, но я всю жизнь у твоей койки сидеть не могу. Мне жена здоровая нужна.

И ушел.

Расписаться они не успели, и делить оказалось нечего.

Ольга впала в депрессию. Целый день лежала, уткнувшись носом в стену, отказывалась есть и отчаянно отбивалась, когда пытались кормить насильно.